

Внезапно вокруг стало тихо.

И без того в особняке царила тишина, но в тот момент показалось, что даже ветер перестал дуть.

— М?

Хасэ тоже заметил неладное.

— Рю-сан!.. — я резко повернул голову в сторону ворот.

Рю-сан — это могущественный экстрасенс, живой пример для подражания Акинэ-тян. Личность загадочная, но одно известно наверняка: при его приближении все сверхъестественные создания затихают и расступаются перед ним. То еще, скажу вам, зрелище.

Из тени за воротами показался черный человеческий силуэт.

Высокий и худощавый, в черном пиджаке и черных штанах, с убранными в хвост длинными черными волосами — все как всегда.

— Рю-сан!!! — я бросился к нему.

— Привет, Юси-кун. Давно не виделись. С возвращением! — без тени удивления на лице приветливо улыбнулся мне Рю-сан.

Не знаю, может, причина кроилась в его экстрасенсорных способностях, но с самого первого нашего с ним разговора я находился под огромным впечатлением от его неординарности, его разносторонних знаний и широких взглядов.

«У тебя впереди долгая жизнь в бесконечно огромном мире. Позволь себе расслабиться», — именно Рю-сан научил меня этому. Его слова открыли для меня дверь в совершенно новый мир и до сих пор служат мне поддержкой.

Одной фразой он заставил меня измениться... Наверное, в этом и состоит его сила.

С нашей последней встречи так много успело произойти, что при виде его сейчас я даже как-то растрогался.

Рю-сан тем временем заглянул мне в лицо и слегка округлил глаза.

— А ты сильно изменился, Юси-кун. Слышал-слышал. Что, с магической книгой подружился?

— Я...

Слова не шли. Перед этим мудрым, могущественным и опытным сэмпам я страшно растерялся. Рю-сан, глубокомысленно кивая, дотронулся по очереди до моего лица, плеча, руки и груди.

— Я... Я-я-я сейчас ее принесу!!!

Я развернулся и нос к носу столкнулся с Хасэ.

— А, это мой... лучший друг Мидзуки Хасэ! Он... все обо мне знает... — глядя на Хасэ, с трудом выговорил я, чувствуя, как глаза начинает предательски щипать.

После чего со всех ног бросился в особняк. Краем уха я успел услышать, как Рю-сан и Хасэ обмениваются приветствиями.

Забежав к себе, я сделал глубокий вдох. Даже самому смешно, и чего мне вдруг плакать захотелось.

Беру со стола «Пти». Вижу в окне разговаривающих о чем-то Рю-сана и Хасэ.

Еще раз глубоко вздохнув, я вышел из комнаты.

— Вот. «Пти Иерозоикон».

Я отдал Рю-сану тоненькую книжку размером с толковый словарь.

— Хм...

Рю-сан с большим интересом осмотрел «Пти», затем начал пролистывать страницы. Мы с Хасэ молча за ним наблюдали.

— Ого... Ничего себе у тебя тут духи, — приподнял брови Рю-сан.

— Вы о них знаете?

— Скорее улавливаю образы...

Удивительный он все-таки человек... Это ведь круто, да, видеть образы? Я в этом ничего не понимаю.

— Но толку от них никакого! — не сдержался я, пока Рю-сан разглядывал карту «Повозки». — К примеру, этот Гиппогриф, такая черная конь-птица, седлать он себя не дает.

— Ну да... Ха-ха-ха-ха! Еще бы, и не даст, конечно! — расхохотавшись, помотал головой Рю-сан.

— Вы о нем слышали? — спросил его Хасэ.

— Это ведь боевой конь богов. Он позволит себя оседлать разве что очень сильному магу, которому будет полностью доверять.

— А вы на таких когда-нибудь летали?!

— Нет, конечно. Опасно это, — легкомысленно отмахнулся этот могущественный экстрасенс. — О! А это... Пес Преисподней?!

— Да, но он еще совсем щенок... Сказали, лет через двести вырастет до взрослого состояния.

Рю-сан приснул.

— Еще там есть страдающий склерозом Филин знаний, болтающий глупости Кот в сапогах, Смерть, которая указала на Бусю и заявила, что ему осталось жить три дня... В общем...

— А-ха-ха-ха!!! — захохотали Рю-сан и Хасэ.

Мне, хоть я сам все это и сказал, даже как-то обидно стало.

— Ну ладно... Уже хорошо, что это не настоящий «Иерозоикон», — отсмеявшись, утешающе потрепал меня по волосам Рю-сан.

— Акинэ-сан тоже так сказала...

— Еще бы. Наверняка ты удивился от неожиданности, но по сути ведь ничего особенного не произошло, правда же?

От этих слов у меня вновь кольнуло в сердце.

— Букинист тоже мне так сказал.

— Ясное дело.

— Будь моя воля, я бы лучше вашим кохаем стал... — начал я, но осекся, когда посмотревший мне за спину Хасэ вдруг издал какой-то странный горловой звук.

Оглянувшись, я с ужасом обнаружил позади себя широко улыбающегося Букиниста.

Хлобысь!

— Больно же! — взвыл я, получив от Букиниста душевный шлепок по затылку.

— Йоу, Рю-сан! Давно не виделись!

Потрепанные джинсы и джинсовая рубашка, серебряные кулон и браслет с синими камнями. Взлохмаченные высветленные волосы до плеч, круглые очки, неаккуратная щетина и помятый окуроч в зубах. Со стороны Букинист напоминал уличного продавца дешевых самодельных аксессуаров.

Но за личиной загадочного торговца старинными и редкими книгами со всего света скрывается книжник — мастер могущественной магической книги «Семь мудрецов».

— Привет, Букинист. Столько лет прошло, а ты все не меняешься.

— Как и ты.

Два мага похлопали друг друга по плечу.

— Вот как бывает, не ждешь, не гадаешь, а у тебя вдруг кохай появляется, — вновь переводя взгляд на меня, прочувственно произнес Рю-сан. — Даже владея магией, мы не в силах предугадать, как повернется наша жизнь. Мир полон сюрпризов.

Букинист, сверкнув круглыми линзами очков, ехидно улыбнулся.

Под взглядами двух могущественных магов я залился краской.

— К примеру, тем же «Пти»... — пробормотал Хасэ.

И они все трое в голос заржали.

— Нет, все-таки чудная вещь, этот «Пти»! Я бы многое отдал, чтоб познакомиться с ее

создателем!

— Это надо же было додуматься, спародировать легендарный «Иерозоикон»!

— Ну что, отметим встречу, Рю-сан! Выпьем!

Букинист и Рю-сан, продолжая посмеиваться, зашли в особняк.

Я пнул тоже все никак не желавшего успокаиваться Хасэ по заду.

— Угомонись уже!

— Нет, просто... Ха-ха-ха! Вы так друг другу подходите, ты и «Пти»!

— В каком смысле?!

Хасэ с легкостью остановил мою правую ногу, уже нацелившуюся в ту же точку, и сказал уже совсем другим тоном:

— Он такой крутой, Рю-сан.

— С-скажи же?!

— Не только внешне, но и внутренне. От него так и исходит... Как бы это сказать... Мощь. Хоть и худой, но прямо давит на тебя.

Ничего удивительного. Хасэ умеет видеть людей. Хоть они только познакомились и поговорили всего ничего.

Хасэ сдавленно хихикнул.

— И при всем этом такая внешность — мир несправедлив!

— Чья бы корова мычала.

Сам-то при любом удобном случае пользуется своей смазливой мордашкой. Вот кто подумает, глядя на этого с виду джентльмена до мозга костей, что на самом деле он — серый кардинал, рулящий городской шпаной и мечтающий в будущем с их помощью поглотить крупную компанию?

— Фу-у-у-ух... — шумно выдохнул появившийся из ниоткуда Фул.

— Фул? Чего это тебя было не видно, не слышно?

— Разволновался под гнетом такой могущественной духовной силы, — развел он руками.

— Надо же... С другой стороны, это же Рю-сан, чему удивляться.

— С магами прошлого, конечно, не сравнится, но, оказывается, и среди нынешнего поколения встречаются подобные таланты.

— Раньше их, наверное, полным-полно было! — с неприкрытым восторгом в голосе воскликнул Хасэ.

В гостинной особняка, хотя до вечера было еще далеко, уже стихийно организовали алкогольные посиделки.

Рю-сан, Букинист, Поэт с Художником, выходной сегодня Сато-сан, Ямада-сан, Мариико-сан. Но время от времени краем глаза можно было заметить тянущиеся к саке и закускам неизвестно кому принадлежащие «руки». Настоящая потусторонняя пирушка. Среди бела дня!

Рурико-сан приготовила большое блюдо сашими из первого в этом году тунца. Немного крупнее, чем обычно, но при этом тоненькие кусочки филе так и переливаются на свету, сразу видно, свежее просто не бывает.

— Сашими из тунца, кроме как в местах промысла, больше нигде не отведаешь. Только здесь, — заметил Рю-сан и, слегка обмакнув филе в соевый соус с имбирем, с удовольствием отправил его рот.

— Неудивительно, тунец быстро портится.

Для Хасэ, раньше пробовавшего свежего тунца только в виде охлажденного рубленого фарша, то были первые в жизни сашими из этой рыбы.

Упругое мясо с ярким вкусом. Имбирь его подчеркивал, одновременно приглушая неприятный рыбный запах.

— А «вернувшийся»[□]Модори-гацуо, «вернувшийся» тунец — тунец после летней миграции на юг, его промысел приходится на конец августа и сентябрь. тунец еще вкуснее! Он такой

жирный, прямо тает во рту! — поделился Поэт.

Хасэ тотчас твердо заявил:

— Обязательно приеду попробовать!

Следующими на столе появились овощной салат с сашими из тунца, заправленный соевым соусом и майонезом, и рубленый фарш с покрошенными листьями периллы и померанцевым соком, вызвавшие новый ажиотаж.

Распивающие sake Поэт и Художник уже стали привычным зрелищем, но я не знал, что и Рюсан ни в чем им не уступает! Перед каждым стояло по бутылке, и опустошали они их с таким энтузиазмом, что я бы не удивился, начни они глушить прямо из горла. Должно быть, под такую чудесную закуску пить — сплошное удовольствие... Хотя мне самому еще по возрасту не положено.

— Чего насупился, тоже хочется? Или из принципа до двадцати даже в рот не возьмешь? — фыркнул закоренелый хулиган Художник.

— Нет, я так не думаю. Просто пока не понимаю, что в нем вкусного.

— Ничего, все еще впереди!

Все за столом захохотали. Эй, а ты чего ржешь, Хасэ?!

Насыщенный аромат жареных во фритюре королевских креветок с молодым имбирем запустил очередной раунд бурных восторгов.

Теплый майский полдень. Сад, залитый ярким светом уже заметно припекающего солнца, и очень странная на взгляд простого обывателя компания, без устали осушающая рюмки и ведущая непонятные беседы. Но, наверное, подобную ненормальность можно было отнести к одному из многих достоинств особняка.

Когда в кажущейся неестественной обстановке чувствуешь себя совершенно естественно.

Хотя я сам не пил, у меня не возникало ощущения, что я среди них лишний. И их окружение меня совсем не напрягало (по мне, так рядом с представителями всяких культов находиться куда неприятнее).

Думаю, дело все в том, что каждый из здешних обитателей пребывал в гармонии с самим собой.

И обладающие сверхъестественными способностями.

И мирно соседствующие с потусторонними созданиями.

И путешествующие между мирами.

Отрекаясь от своего истинного «я», человек нарушает свое внутреннее равновесие и может навсегда себя потерять.

Возможно, именно этому я прежде всего должен научиться здесь, в Особняке нежити, — внутреннему равновесию.

Познав и приняв себя, человек приходит к согласию с окружающим миром.

Как говорит Хасэ, ценность чего-либо определяется в сравнении, как к этому относятся другие. Вот и я хочу выстроить собственную систему ценностей, но не застывшую навеки в своей неизменности, а постоянно ее подправляя, разрушая и воздвигая вновь.

— А-а-а, Рю-сан! С возвращением! — Акинэ-тян, уходящая по делам, вернулась как раз к обеду.

При виде обожаемого Рю-сана она расцвела улыбкой, а заметив выстроившееся на столе угощение, буквально засветилась от счастья.

— Ой, что это? Уже обед? Это что, сашими из тунца?!

Акинэ-тян, не глядя, скинула обувь и заскочила на веранду. Мы все захохотали.

— С зеленым чаем это сашими просто умереть не встать какое вкусное!

— Тунец с зеленым чаем? А вонять не будет? — изумился Хасэ, но Акинэ-тян решительно помотала головой.

— Нет, если разложить по два-три кусочка в маленькие тарелки и залить на полчаса соевым соусом с имбирем.

— Акинэ-тян, Рурико-сан уже все сделала, — сообщил Сато-сан.

— Потому что Рурико-сан гений! — радостно вскричала Акинэ-тян.

Как она и обещала, тунец с зеленым чаем оказался потрясающе вкусным.

На еще горячий рис выкладывались два-три вымоченных в соевом соусе с имбирем кусочка филе, и все это заливалось горячим зеленым чаем, благодаря чему тунец слегка подваривался, насыщаясь новым оттенком вкуса. Главное не переборщить с соевым соусом. В отличие от похожего на вид и по принципу приготовления тайтядзу, когда рис с сырым филе окуная заливают горячим ароматным даси, соевый соус, чай и рыба вместе порождали очень простой, но единый ансамбль вкуса. Наверное, именно он характерен для рыбацких деревушек и городков. (Но, по желанию, можно добавить мелко порезанные листья периллы и васаби, они придадут блюду изыска).

Мы, непьющие «дети», после дополнительной порции тунца с зеленым чаем и полноценного обеда повалились на пол с туго набитыми животами.

А пирушка взрослых продолжалась до самого заката. В углу гостиной, точно кегли для боулинга, выстроились ряды пустых бутылок.

Вечером мы все вместе спустились к термальному источнику. (Разумеется, без Акинэ-тян. Тут и говорить не о чем. Уж не знаю, к счастью или к несчастью, но Марико-сан сегодня не было дома. А то эта давно позабывшая женский стыд привидение имеет привычку вваливаться в мужскую ванную).

Рю-сан завязал свои длинные волосы в высокий пучок, но вопреки женской прическе тело у него оказалось на удивление тренированным, к тому же оно все было в крупных и мелких шрамах.

— Это что... след от катаны? — заметив подозрительно ровный и длинный шрам, тянувшийся вдоль правого плеча Рю-сана, недоверчиво спросил Хасэ, но тот лишь усмехнулся и ничего не ответил.

— Работа потому что почище якудзовской, — засмеялся Букинист.

Якудзовской?!

— Однажды в пустыне на Среднем Западе США последователи одного культа задумали совершить человеческое жертвоприношение.

Мы с Хасэ в ужасе уставились на Букиниста.

— П-прямо живого человека в жертву принести?!

— Сначала сжечь живьем, а потом все последователи собирались его съесть.

— С ума сойти...

— Неправильно ты рассказываешь. Не съесть, а растолочь и выпить, — хладнокровно поправил Рю-сан.

На что мы с Хасэ хором воскликнули:

— Какая разница?!

— А Рю-сан вместе с американским спецназом отправился штурмовать базу этого культа.

— Ничего себе... И как все прошло?

— Перестрелка началась. Спецназ против культа, — усмехнулся Художник.

— Перестрелка? Последователи того культа были вооружены?!

— Восемьдесят пулеметов, пятьдесят гранат и двадцать «Хеллфаеров».

— «Хеллфаер» — это же... Противотанковые ракеты!!!

На изумленный вопль Хасэ взрослые лишь легкомысленно засмеялись, породив гулкое эхо.

— И... И что потом? Чем все закончилось?

— Ну, изначально планировалось арестовать наставников и верхушку культа, а его последователей разогнать... — Рю-сан горько усмехнулся.

Вместо него как ни в чем не бывало продолжил Поэт.

— Все погибли. Наставники и последователи, всего двести человек, забаррикадировались в здании и устроили самосожжение. Так называемое массовое самоубийство.

— Погодите... об этом же рассказывали в новостях!

Мы с Хасэ ошарашено переглянулись. Рю-сан тем временем звонко хлопнул себя ладонью по лбу.

— Мда, полнейший провал!

— А-ха-ха-ха-ха!

— Гха-ха-ха-ха! Сколько раз слышу, всегда угораю!

Не понимаю... Над чем тут смеяться?

— Но хорошо, что заложников освободили!

— Да, тем более что они и без штурма собиралась устроить это массовое самоубийство.

— Не всех можно спасти.

Хоть разговор шел в легкомысленной манере, но последняя, очень нигилистская реплика Художника буквально пронзила меня насквозь.

В мире постоянно происходят страшные вещи, на которые ты никак не можешь повлиять. Это ужасно, но это факт. Но есть люди, не оставляющие попыток им противостоять.

— Рю-сан хоть и занимается опасными делами не хуже якудзы, но тот еще растяпа. Вот и ходит весь в шрамах.

— Кто бы говорил, Букинист. А кто, напомни, в горах Перу не смог вернуть украденные разбойниками тайные письма, а потом еще под обстрел из пулемета попал?

— Между прочим, из сотни выстрелов в меня всего две пули попали.

— На фоне вас следы от драк на Художнике кажутся такой мелочью, — засмеялся Поэт.

— Да уж, и не похвастаешься шрамом, когда якудза по мне пивной бутылкой врезал, — хмыкнул Художник, демонстрируя длинный рваный шрам на руке.

— Вот ты смеешься, Иссики-сан, а ведь тебя самого едва одна твоя горячая поклонница не убила, — улыбнулся Рю-сан.

— Кстати, да. Пылкая была девушка.

— Попади она тем ножом куда следует, кранты б тебе пришли на месте. Жаль, промахнулась!

Глядя на этих гогочущих взрослых, даже Хасэ в лице поменялся.

С отцом в членах директоров одной из крупнейших компаний страны и дедом-политиком по материнской линии Хасэ явно успел послушаться об ужасах преступного мира, но едва ли он ожидал, чтобы при нем в столь легкомысленной манере, со смехом, будут обсуждать такие жуткие истории из личного опыта.

У меня самого глаза на лоб лезли. Даже не знаю, когда у нас выработается иммунитет к подобного рода ситуациям.

Но при всем при этом слушать этих ненормальных взрослых было страшно интересно.

В своих рассказах они упоминали самые разные места на планете, что прибавляло их словам правдивости, при этом самому мне начинало казаться, что на их фоне моя собственная жизнь проходит где-то на скучных задворках вселенной.

Истории о политике и религии, рассказы о невероятных приключениях и пошлые байки. Что-то стоящее размышлений, а что-то совершенно бессмысленное. Но какие бы серьезные темы ни поднимали эти взрослые, они не пытались ничего завуалировать, рассказывали непредвзято, с чувством юмора и от всей души, пока мы с Хасэ проникались теми просторными, бескрайними мирами, в которых они обитали.

Самое забавное было наблюдать, с каким блеском в глазах слушал их Хасэ. Обычно он всегда старается сохранять с взрослыми дистанцию, так что, думаю, для него это был первый подобный опыт (как, впрочем, и для меня).

Мало кто из взрослых по-настоящему достоин уважения. А в глазах таких умных прагматиков, как Хасэ, большинство их — это даже не настоящие «взрослые», так, немало пожившие индивиды.

Пусть Рю-сан, Букинист, Поэт и Художник не обзавелись семьями и не воспитывали собственных детей, но они относились к той особой «породе» взрослых, которые, на мой взгляд, просто обязаны быть в окружении любого ребенка.

Быть одновременно и старшим товарищем, и учителем.

Разве не таким представляют себе «настоящего взрослого» все дети?

Вот и мы, все еще дети, до самой поздней ночи учились на (немного сомнительных в плане практического применения) рассказах таких вот взрослых.

Следующий день. Мы с Хасэ играли с Бусей в гостиной, когда внезапно в саду что-то мощно грохнуло, так сильно, что я почувствовал вибрацию от пола.

Резко повернувшись, я увидел там гиганта. Да нет, какого гиганта, великана! Настоящего великана! Да еще с перекинутым через плечо огромным кабаном!

— О... О-о-о!!!

Мы с Хасэ вскочили, Хасэ схватил Бусю в охапку, но тот лишь удивленно на нас посмотрел, не выказывая ни намека на страх. Бела тоже приветливо замахала хвостом. Нам тут же стало ясно, что гигант этой опасности не представляет, но когда он заглянул через веранду в гостиную, и мы увидели, что у него лишь один глаз посреди лба, нам обоим стоило немалых усилий сдержаться и не заорать вновь.

— Привет, Матадзюро-сан. Давно не виделись, — помахал рукой из окна второго этажа Рю-сан.

— Привет! — ответил «Матадзюро-сан» раскатыстым басом.

— Ого! Вот это кабанище! Будем есть набэ с кабаном! — услышал я радостные вопли Художник и Поэта. Похоже, этого одноглазого великана хорошо знали в особняке.

Матадзюро-сан, прищурив единственный глаз, посмотрел сверху вниз на взмокших холодным потом меня и Хасэ и улыбнулся:

— Новенькие? Меня Матадзюро звать. Принес вам отменной кабанинки.

— З-здравствуйте... Я Юси Инаба. Живу здесь с весны. Это мой друг Мидзуки Хасэ.

Представив, как, наверное, странно мы выглядим со стороны — мирно знакомящиеся великан и человек, — я едва сдержал нервный смех.

— Больше нигде у меня с такой регулярностью сердце не рвется из груди, — с каким-то странным удовлетворением в голосе заметил Хасэ.

— В Сираками охотничий турнир был, а это моя победная добыча.

— Еще бы с таким не победить!

— Решил, раз такое дело, с вами поделиться.

— Супер! С таким гигантом обожремся до отвала! — обрадовался Художник.

— Не, для вас — это. Как раз полежал достаточно, вкуса набрался.

С этими словами Матадзюро-сан отдал Художнику какой-то сверток. Кстати говоря, я тоже слышал, что мясо сразу после разделки слишком жесткое.

— А это подарок курамскому Тэнгу-доно, — похлопав по боку гигантского кабана, Матадзюро-сан басовито захохотал.

— Тэнгу тоже бывают, — невольно пробормотал я, но тут же себя одернул. Нашел чему удивляться.

— Матадзюро-сан живет в скрытой деревне в горах Кумано, — пояснил для нас с Хасэ Рю-сан.

— Скрытая деревня...

— Они прячутся глубоко в горах, к примеру, в Сираками, в Кумано, Хиде. Обычно они находятся в аномальных зонах, либо их накрывают особым полем, поэтому их непросто найти, но живут в этих деревнях не нежить и не привидения, а очень близкие нам создания. Практически такие же люди, только другой расы.

Матадзюро-сан ростом был около трех метров. Весил, наверное, центнера два. Одеждой напоминал старых охотников матаги, и хоть в целом действительно походил на человека, но учитывая его одноглазость, как-то сложно было воспринимать его просто как представителя «другой расы».

— Жители скрытых деревень часто либо обладатели экстрасенсорных способностей, либо внешне как-то отличаются от обычных людей, поэтому когда-то их прогнали в горы... А ведь у нас общие корни, мы все живые существа, просто представляем разные эволюционные ветви.

Когда-то очень, очень давно мы все жили по соседству: обычные люди, такие же, как мы сейчас, одноглазые великаны, обладатели экстрасенсорных способностей, рогатые люди и люди с другим, красным, например, или серебряным цветом волос или кожей.

Но в какой-то момент «просто» людей стало так много, что мы начали преследовать тех, кто отличался от нас, прогонять их... и забывать об их существовании.

Это сейчас Матадзюро-сан из-за своего огромного тела и единственного глаза кажется мне «чудовищем», но в далеком прошлом я бы, наверное, отнесся к нему, как сейчас отношусь к европеоидам или темнокожим. Тогда мы, люди, мирно сосуществовали не только с одноглазыми великанами и экстрасенсами, но и со многими другими, по-настоящему сверхъестественными существами.

Почему лишь мы меняемся?

Почему лишь мы не можем не меняться?

— Это особенность нашей расы, — прокомментировал Хасэ мои размышления вслух. — Точно так же как для расы Матадзюро-сана их особенность — это одноглазость, для нас — это увеличение популяции и стремление к развитию. Это наш способ сохранения вида.

— По тому же принципу, что чем слабее вид, тем больше он откладывает яиц?..

Буся в ладони Матадзюро-сана казался цикадой или даже муравьем на фоне толстого дерева. Но сердце Матадзюро-сана соответствовало размерам его огромного тела. Он очень эмоционально поведал нам о своей славной охоте на гигантского кабана.

Его деревня существует в горах Кумано уже больше тысячи лет, и их быт почти не поменялся за все это время, но зато и жизнь там мирная и спокойная. Несмотря на ее удаленность, деревня вовсе не закрыта, ее жители свободно путешествуют, общаются с людьми извне. Очень редко, но, бывает, натываются на забредших вглубь гор путников.

— Горские, они ребята сердечные. Увидев меня, удивляются, конечно, но шума не поднимают. Даже сигаретами угощают, — довольно рассказывал Матадзюро-сан.

Я и сам обрадовался, что, оказывается, и такие люди бывают.

Рурико-сан принесла огромных размеров чашку с водорослевым чаем с персиком и толсто нарезанный ёкан с коричневым сахаром. Матадзюро-сан с огромным удовольствием умял и то, и другое в один глоток.

— Перед Курамой думаю вернуться, принесу с собой побольше киотских сладостей. В деревне готовят свои, но хочется иногда и чем-нибудь особенным порадовать, не одной сушеной хурмой да моти лакомиться, и перед гостями куса-данго как-то неудобно ставить. Хочется ёканом с маття или еще чем-нибудь в этом роде угостить. Да и детишки лучше слушаются, когда сладкое им обещаешь. Гха-ха-ха!

Речь Матадзюро-сана ничем не отличалась от нашей. Можно было подумать, что рядом сидит много проживший и повидавший, но сохранивший веселую беспечность духа деревенский мужик.

— Зато в нашем мире подобные ему встречаются все реже, — заметил Хасэ, когда я поделился с ним этой своей мыслью, и я согласно кивнул.

Наш мир, где все так борются за равенство полов, отрицает саму идею, что есть нечто, свойственное лишь мужчинам, и нечто, характерное исключительно для женщин... На мой взгляд, это полный бред. Как-то это совсем не похоже на «развитие».

Мы живем в очень удобном мире больших возможностей, безграничной информации и почти без каких-либо физических ограничений, но почему-то такой уединенный стиль жизни, как у Матадзюро-сана, кажется мне полнее и счастливее.

— Проблема не в наличии или отсутствии каких-то благ. Главное... это что здесь, — Рю-сан похлопал себя по груди.

— А то. Я вот в этих гэта, что мне Тэнгу-доно жаловал, влегкую по горам, по лугам скачу. Никаких ваших ракетных двигателей на надобно. Где в вашем мире такую удобную вещь раздобыть, а? — Матадзюро-сан указал на свои гигантские гэта и раскатисто захохотал.

Своими ногами ходить на охоту, своими руками собирать плоды с деревьев, жить в согласии с природой.

Без мобильных телефонов. Без компьютеров. Зато там люди соседствуют с богами и принимают всех, какими бы необычными способностями они ни обладали.

Мы уже к подобной жизни вернуться не сможем.

Но если объединиться, взять поровну и оттуда, и отсюда...

Возможно ли подобное будущее?

Вечером в сад вынесли большую кастрюлю, поставили на огонь и устроили «кабанью» вечеринку.

Густой мисо-набэ с кабаниной и овощами, без ярких специй, но с приятным привкусом саке, мирина и стручкового перца. Отлично идет и как самостоятельное блюдо, и как дополнение к рису! Мясо, успевшее достаточно отлежаться, стало мягким, прямо как вареные овощи, только и знай, что набивай желудок!

В итоге общими усилиями, обливаясь потом из-за горячего мисо и жара пламени, мы съели весь огромный шмат кабанины. Матадзюро-сан с удовольствием все это время за нами

наблюдал. Его взгляд так и лучился искренней добросердечностью.

— Да уж, не соскучишься здесь, — с чувством произнес Хасэ, вытянувшись на футоне. Похоже, уже заранее грустил из-за завтрашнего отъезда.

— Ага. Столько тем для размышлений подкидывают... Я даже подумал, что мне, наверное, подошла бы такая жизнь, как у Матадзюро-сана.

— Матаги?! А что, мне нравится! — захохотал Хасэ.

Отсмеявшись, он уставился в потолок.

— Я тоже... О многом задумался, — добавил он уже с серьезным лицом.

У Хасэ еще в начальной школе появилась мечта, которая до недавних пор оставалась неизменной.

Мечта построить собственное королевство. И Хасэ, считая (на мой взгляд, вполне обоснованно), что он в состоянии ее осуществить, никогда не позволял себе оглянуться по сторонам, шел к ней напролом.

Но особняк, и я в числе всего прочего, связанного с ним, открыли ему глаза на то, что настоящий мир намного, необъятно огромное, чем он привык считать.

Наверное, теперь Хасэ тоже задумался о лежащих перед ним бесконечных возможностях.

И пусть.

Пусть думает, пусть сомневается.

У нас с ним еще полно времени.

— О, Буся уже должен покупаться, иди встречай, мама.

— Угу... Стоп, ты кого «мамой» назвал?!

— Гха-ха-ха-ха-ха!

Пока мы в шутку боролись на футоне, за нами, драматично пожимая плечами, наблюдал со стола Фул.

— Настоятельно советую одуматься, господа. Пол проломится.

<http://tl.rulate.ru/book/98654/3344802>